

K556
465

К Р О К О Д И Л

НОВЫЕ СТАЛИНСКИЕ ПЯТИЛЕТКИ

ОТЧЕТ ДЕПУТАТА

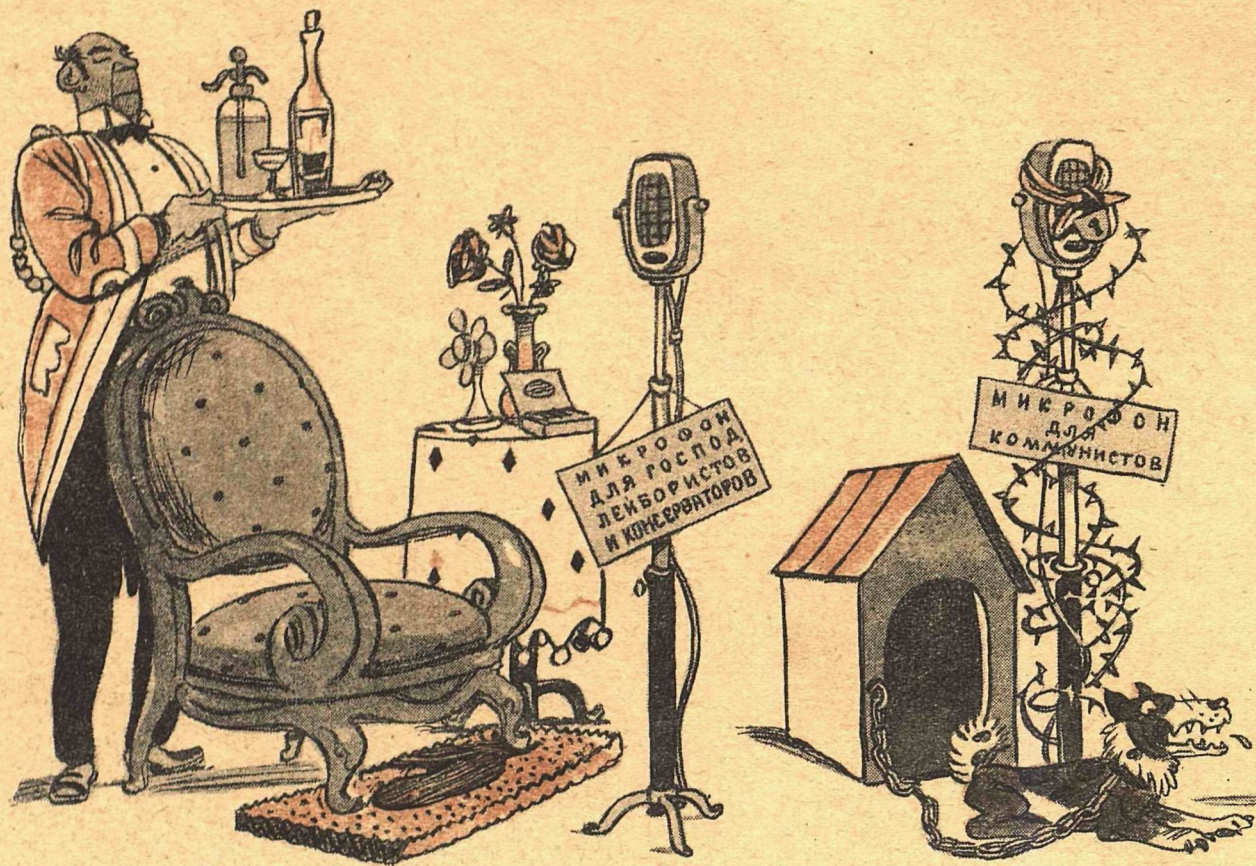
— Мы должны, товарищи, довести производство чугуна до 19,5 миллиона тонн, стали — до 25,4 миллиона тонн, меди...

— Нравится мне этот докладчик: много металла в голосе!

Рис. Вэр. Ефимова

Вэр. Ефимова-46

Из сей картинки видно снова,
Что есть кой-где свобода слова!

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

НЮРНБЕРГ. В беседе с вашим корреспондентом свидетель защиты Мильх сказал: «Я не понимаю, почему меня считают лже-свидетелем. Ведь из четырёх основных вопросов, заданных судом, на три я ответил сущую правду. Первый вопрос: как ваша фамилия? Я сказал: Мильх. И это правда. Второй вопрос: ваш чин? Бывший генерал-фельдмаршал. И это тоже правда. Третий вопрос: звали ли вы Геринга? Я сказал: знал. Это опять правда. И лишь на четвёртый вопрос: знал ли Геринг о готовящейся войне? — я сказал, что не знал. И только это было неправдой».

МАДРИД. Здесьшние врачи сообщают, что Франко заболел местной болезнью — испанкой (она же инфлюэнца, она же грипп). Как известно, первым симптомом этой болезни является чихание. И, действительно, Франко беспрерывно чихает, преимущественно на декларации и тому подобные неадекватные антифранкистские средства.

БУДАПЕШТ. Здесь с большим успехом проходят устаревшие премьеры. Они проходят из зала суда на место казни. Уже прошли премьеры профашистских правительств Венгрии Бардоши, Имреди, Стоян и Саланги.

НЬЮ-ЙОРК. Американский журналист Дрю Пирсон заявил в печати, что Советский Союз в конце апреля нападёт на Турцию. Ясно, что это ложь и провокация. Неясно только, какой валютой оплатили Пирсону эту брехню. Турецкой или другой иностранной.

ТАК ДЕЛАЮТ ВЕСНУ

Франт, одетый в позолоту,
В снег и синие ветра,
Март за чёрную работу
Принимается с утра.

Жаль, что, ветренный по нраву,
Это рвение к труду
Превращает он в забаву,
В молодую ерунду.

То, помотришь, грязь просушит
К шумной радости подошв,
То труды свои разрушит,
Бросив улицу под дождь.

Снег разрыхлит, лёд растопит,
Солнца в лужицы нальёт,
А потом (занятный опыт!)
Их заковывает в лёд.

Март, ты путаник несносный,
Недогадливый проstack.
Так ли делаются вёсны?
Дворник думает:

— Не так!

И, спеша на помощь марту,
То есть ветру и теплу,
Он одёргивает фартук
И берётся за метлу,
Лом, скребок.

И стены дома
(Длань у дворника крепка!)
Сотрясает грохот грома —
Грохот лома и скребка.

Вот уж полночь. Спят ребята.
Спит и дышит дом жилой.
А за окнами лопата
Соревнуется с метлой.

Вот и утро — едет почта.
Дворник трудится без сна:
Он доделывает то, что
Называется «весна».

Из-под снежного покрыва
Вывел каменную гладь,
Говорит: «Весна готова!» —
И, зевнув, уходит спать.

Но уже в квадрате чистом
Подметённого двора
Вешним щебетом и свистом
Разразилась детвора.

Беззаботная, играет,
Нарушает тишину,
Позабыв, что отдыхает
Дворник, сделавший весну.

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

— Выбора нет,— выбирай!..

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

В РЕСТОРАНЕ

— Официант, вы мне подали десяток раков и все без клешней, в чём дело?
— Видите ли, сэр, они у нас на кухне живые и дерутся между собой...
— Так принесите мне десяток победителей!

ПРАВИЛЬНЫЙ РАСЧЕТ

— Не мешай мне,— говорит матрос.— Видишь, я пишу своей девушке письмо!
— А почему ты пишешь так медленно?
— Потому, что она не может быстро читать.

НАКОНЕЦ ВСТРЕТИЛИСЬ

— Я не встречал вас в Толедо?
— Нет. Я никогда не был в Толедо.
— Я тоже. Значит это были двое других.

ДЕЛИКАТНЫЙ РЕДАКТОР

Редактор отдела поэзии:— Вы сами написали эту поэму?
Посетитель:— Всё до последней строчки!
Редактор:— Тогда я очень рад встретить вас, мистер Эдгар Аллан По. Я был уверен, что вы давно умерли!

СДЕРЖАЛ СЛОВО

— Если вы не согласитесь выйти за меня замуж, я умру!
Она не согласилась.
Через шестьдесят лет он умер.

ДЖЕНТЛЬМЕН

Судья (обращаясь к осуждённому на казнь на смертном стуле):— Есть ли у вас какое-нибудь последнее желание?
Осуждённый:— Да. Я хотел бы уступить место даме.

НЕ СОВРАЛ

— Только одна стопка всегда валит меня с ног.
— Не может быть!
— Да, но она восьмая.

хорошо,—Ганна Ивановна, секретарь директора, проскальзывает в комнату и плотно закрывает за собою дверь.

Рабочий день кончился, служащие ушли, в комнате осталось только четвероногое стадо столов. Большие угрюмо стоят по углам, маленькие тесно прижались друг к дружке. Впрочем, на одном ещё горит лампа под зелёным абажуром. Это засиделся плановик Волкодав.

Ганна Ивановна усаживается боком, амазонкой, на один из маленьких столов, на лице её возмущение и отвращение:

— Каккая гадость! Жуты! Бррр! Меня сегодня прямо чуть не стошнило от этого вашего Мусташкина! Можно же до такой степени быть подхалимом! Директор чихнул, а он сейчас же: «Будьзддрр!» Директор закурит собирается, а у него уже зажигалка наготове. И при каждом удобном и неудобном случае: «Правильно, Пальваныч! С вашим тактом, с вашим умом, под вашим руководством, Пальваныч!»

Волкодав качает головой:

— Н-да уж, действительно. Может быть, только Павел Иванович внимания не обращает? Хотя как тут внимания не обратить? Ведь он перед ним вьюном вьётся. Ведь даже на такое паскудство идёт, что внешность его расхваливает, ей богу. Конечно, директор — уважаемый человек, но в смысле внешности...

— Не знаю, я как-то не замечаю,—осторожно говорит Ганна Ивановна,—я привыкла.

— Ну, разумеется, я тоже привык и уважаю, но всё-таки сказать Павлу Ивановичу в глаза, что он расцвёл и похорошел,—это в его-то годы! С его-то бородищей, с его... Вообще согласитесь, что это граничит чорт знает с чем, с издевательством. Это всё равно, что мне сказать, что я цветок душистых прерий! — Волкодав усмехается и почесывает свой нос, похожий на кирпич и формой и цветом.— Я ещё до него доберусь! Подхалимство не переравниваю органически! Мутит, с души прёт!

— Кхе... гм... гм... — откашливается кто-то в углу за большим шкафом, и оттуда бочком вылезает Мусташкин. Он маленького роста, у него круглая лысинка.

Ганну Ивановну как будто подхватывает сквозняком и уносит в дверь. Волкодав крякает, морщится и, не глядя на Мусташкина, говорит:

— А подслушивать, Мусташкин, нехорошо, н-да... Впрочем, я не люблю за спиной — шу-шу-шу. Я вам прямо в глаза хотел сказать...

— Правильно, Яксаныч! — горько восклицает Мусташкин и, мгновенно выхватив из кармана зажигалку, чиркает и держит огонь, хотя Волкодав только ещё разминает свою папиросу.— Правильно! Вам, Яксаныч, с вашим умом, с вашим пониманием человека, вам виднее. Но только я вам прямо скажу, когда вот такая Ганыванна про меня брешет, это, как справедливо говорится, собака лает, ветер носит. Но когда вы, Яксаныч, вы,—у меня сердце переворачивается! Ведь вы у нас, я бы сказал, в наших прериях, единственный полноценный цветок, благоухающий умом, тактом, глубиной внутреннего содержания!

Волкодав моргает, и на лице его появляется стыдливая улыбка, как у девушки, которой в первый раз в жизни сказали, что у неё красивый рот и не зубки, а жемчужины.

— Мнение других для меня — тьфу! — продолжает Мусташкин.— Но ваше мнение, Яксаныч, мне ценно, как облигация, на которую пал десяти тысячный выигрыш. Да что там десять тысяч! Сто тысяч! Вы, Яксаныч, с вашим высшим образованием, с вашим знанием иностранных языков и занимаемым положением, наконец, с вашей внешностью! Вы у нас на Эмиля Золя похожи, Яксаныч, ей богу, на Эмиля...

Волкодав стесняется и чихает.

— Вот видите? Вот, значит, правда! Будьзддррр, Яксаныч!

— Спасибо, Мусташкин. Да ведь я, собственно, ничего такого про тебя и не говорил. Это всё Ганнища наплела, она вечно, делать ей нечего. А я про тебя всегда говорю, что ты выдержанный товарищ, и вообще... я тебе верю.

Мусташкин порывисто пожимает руку Волкодавову, молча и быстро выходит из комнаты. По коридору он бежит рысью и как раз вовремя, потому что успеет заметить меховой пучок на шляпе Ганны Ивановны, спускающейся с лестницы. Он догоняет её в вестибюле и распахивает перед ней дверь:

— Прощу, Ганыванна!

Они выходят вместе. Секретарше очень не по себе.

— Ганыванна! — начинает глухим голосом Мусташкин. — Пусть другие говорят про меня, что хотят. Пусть брешет Волкодав, знаете поговорку, извините, собачка лает, ветер носит? Но вы с вашей нежной, прозрачной душой... Вы не должны слушать какого-то сплетника Волкодавова, который...

— Да уж этот Волкодав действительно, — вздыхает Ганна Ивановна, — а я, между прочим, про вас всегда говорю, что вы человек искренний и культурный. Я даже, кажется, директору о вас что-то говорила. А если не говорила, то скажу.

Они доходят до дома Ганны Ивановны, она вынимает из муфты руку в варежке и протягивает её Мусташкину. Мусташкин горячо целует варежку. Ганна Ивановна смущается: она знает, что её варежки пахнут козлом; но Мусташкин ещё раз настойчиво и самоотверженно целует варежку.

— Вы хороший, Мусташкин,—растроганно говорит Ганна Ивановна.

И, наконец, Мусташкин приходит к себе домой. Шаркая калошами по коридору, он слышит радостный лай, скуление, и когда он подходит к двери и вставляет ключ, скуление переходит в восторженный визг.

— Ах ты, подхалим! — снисходительно говорит Мусташкин, открывая дверь. Перед ним, животом вверх, извивается в экстазе Фунтик, или Фунька, как его зовут в квартире.— Что, жрать хочешь, жрать, да? Иди сначала погуляй.

Фунькина прогулка длится не больше минуты, и вот он снова перед хозяином—весь восторг, влюблённость, трепет.

— Сейчас, сейчас,—говорит Мусташкин и ставит ужин на плитку.— Неси свою миску.

Фунька мчит за миской и притаскивает её в зубах. После ужина он садится на стул и не сводит восторженных глаз со своего хозяина.

— Ну, чего ещё надо? Больше ничего не дам.

Фунька прыгает Мусташкину на колени и лижет его в волосатое ухо.

— Ах ты, псына, вот подхалим! — радуется Мусташкин.— А ну-ка, послужи, как ты умеешь.

Фунька становится столбиком и молитвенно скрещивает передние лапки. По коридору кто-то идёт, гулко топая сапогами. Фунька кидается к двери и заливается дерзким, ругательным лаем.

— Ну, чего ты, дурица? Может, это завмаг Фёдор Акимович, домой возвращается? Будь я на твоём месте, бросил бы я Мусташкина и пошёл служить к завмагу. У того и тепло и колбаса «собачья радость» со стола не сходит, а?

Шаги затихают, Фунька успокаивается, снова прыгает на стул и стучит по нему хвостом, выражая своё удовольствие.

— Что? Может быть, ты хочешь сказать, что я для тебя тоже цветок душистых прерий? А не врешь, сукин ты сын? Поди, в глубине своей тёмной души считаешь меня старым подлецом и мерзавцем, а? Ну ладно, ладно, я тебе верю, только не лжись, сделай милость. Надо, брат, во всё меру знать!

В. КАРБОВСКАЯ

Н. Н.

В МОСКВЕ живёт поживает, да ума не наживает некий человек, по фамилии...

По некоторым соображениям, не буду здесь называть его настоящей фамилии. Ограничусь скромными инициалами — Н. Н.

Сей Н. Н. — человек не маленький. Он управляет делами в одном почтенном многоэтажном учреждении. За тридцать два года своей жизни Н. Н. приобрёл солидную лысину, розовые щёчки, выдающееся брюшко, авторитетный басок и неразборчивую подпись с завитушками и выкрутасами.

Знаний приобрести не успел.

Недавно сослуживцы сказали ему:

— Иван Михайлович (директор учреждения) едет в командировку. Просил достать ему на дорогу пять кило эмоций.

А надо вам знать, что Н. Н. не любит ударять лицом в грязь.

— Достать можно, — ответил он, — но за пять кило не ручаюсь. Кило два—три — не больше. Предмет, сами знаете, остродефицитный.

Нет, он не шутил. Вообще Н. Н. никогда не шутит. Н. Н. твёрдо полагает, что он работник такого масштаба, коему смеяться не положено. Да и не понимает он шуток.

Однажды кто-то сказал ему:

— У тебя, Н. Н., совершенно нет чувства юмора.

Н. Н. презрительно ответил:

— И не надо.

Он читает. Входящие и исходящие. Другой литературы не признаёт. Книжки и журналы считает баловством. Ему, управделами почтенного учреждения, не к лицу этим заниматься.

В газетах он с увлечением читает лишь указы о награждении орденами. Ищет там свою фамилию.

Он является постоянным объектом для шуток и насмешек.

Как-то ему сообщили, что Ньюйоркская академия наук приняла решение о том, чтобы в дальнейшем земля не вращалась вокруг своей оси.

Выслушав это открытие, он авторитетно про-басил:

— Давно пора!

Когда ему сказали, что Персия объявила войну Ирану, он сразу поверил. Но, желая дать понять, что он, Н. Н., кое-что понимает в этих делах, небрежно сказал:

— Я этого ожидал...

Он настолько гол, что всё принимает за чистую монету.

Один сотрудник, уходя после обеда домой, сказал ему:

— Иду на совещание в Пиквикский клуб.

— А где это?

— В Бауманском районе. Если потребуюсь, позвони по телефону Д 3-23-47.

— Стой! — вскричал Н. Н. — Меня не обманешь. Как же так? Клуб находится в Бауманском районе, а АТС говоришь Миусы? А?..

А наутро тот же посетитель Пиквикского клуба сказал ему:

— Тут к тебе зайдёт Платон Каратаев. Он приехал с фронта и привёз от Андрея Болконского посылку для Наташи Ростовской. Заготовь, пожалуйста, пропуск Каратаеву.

Н. Н. спросил:

— А кем у нас работает эта самая Наташа Ростова?

— Стенографисткой в отделе сбыта.

— Ага!

Он всему верит. Не верит он только тому, что он дурак и невежда...

Анекдот?

Так, по всей вероятности, спросит читатель, пробежав наш маленький рассказ о Н. Н.

К сожалению, не анекдот. Как говорится, вероятно, но факт. И на счёт эмоций и прочего — с подлинным верно.

Есть такой человек в Москве. И служит он благополучно в должности управделами в одном почтенном многоэтажном учреждении.

А, может, читатель, и в вашем учреждении прохлаждается кое-кто, похожий на Н. Н.?

Г. РЫКЛИН

НЕНАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ

Рис. Л. Сойфертца

— Я хорошо знаю, что земля имеет вид шара. А вот какой вид имеет глобус, — я не знаю!

Живучий народ

Рис. Б. Пророкова

Вас много —

ПОПАЛ я недавно на одно заседание. Пока добрались до моего вопроса, я стал, как водится, разглядывать участников этого заседания. И моё внимание привлёк некий товарищ лет под сорок, который вёл себя на данном совещании чрезвычайно, я бы сказал, умело. Спокойно он себя вёл, и вместе с тем — с большим знанием заседательской техники. Он и пожевал чего-то, отвернувшись от президиума. И водички выпил, протопав для этого в удобный момент к столу председателя. И газетку почитал, и с соседями поболтал шопотом, и посмеялся под шумок, и трубку вычистил от никотина, и выступил в прениях, когда надо было... И всё это — так спокойно, незаметно, уверенно...

Выходили после совещания мы с этим товарищем вместе. И разговорились. Я спросил его между прочим:

— Часто вам приходится заседать?

Ответ его был неожиданным:

— Да, пожалуй, как встану, так и иду на заседание. А с последнего заседания — домой, спать. И каждый почти день...

— Вот так так! — произнёс я, слегка даже разинув рот. — Почему ж это на вас столько наваливают?

— Ну, вообще, знаете, я активист. А потом считаю уже специалистом по этому вопросу. Другие отлынивают от лишнего совещания и собрания, а мне всё равно.

— Как это «всё равно»?.. А как же у вас, ну, — личная жизнь?

— И личная жизнь у меня протекает тут же.

— Да разве это возможно?..

— Сперва, конечно, трудновато было сочетать. А потом — ничего.

— Позвольте! Можете ли вы, например, на заседаниях пить и есть?

— Могу...

— Хотя — да... Сегодня я заметил, как вы закусывали и даже пили, когда обсуждали первую смету...

— Совершенно верно. Не забудьте ещё: бывают заседания с чаем, с бутербродами... Раньше, помню, и пиво выдавали...

— Ну, хорошо... А если вы хотите отдохнуть...

— Господи!.. Да где же и отдыхать, как не на заседаниях?.. Даже, когда ваш вопрос обсуждают, и то можно отдохнуть... А на других пунктах повестки... У меня, знаете, даже бессонница появилась. И именно почему? Потому что чересчур много сплю на этих заседаниях днями.

— Так. Допустим. Но ведь надо же человеку иногда посмеяться, повеселиться, пошутить...

— Правильно. Надо. А на заседании, если хотите знать, самый пустяк будет казаться смешным. То, чему в другой обстановке и не улыбнёшься, в условиях заседания вызывает такой хохот... Чем-чем, а уж смехом мы обеспечены. Пока, знаете, не переведутся ораторы, которые завираются, или дела не знают, или робеют очень, — смеху хватит с избытком.

— Гм... Пожалуй... Ну, а если вам захотелось, наоборот, посерьёзничать, поскучать... Хотя — да... Скуки вам не занимать статью...

— Я думаю... А захоти я заняться любым делом, — кто помешает? Сиди, читай, пиши, что хочешь. Оратор меня не отвлекает: я уже притерпелся. А председатель только рад, что человек сидит смирно, не бунит.

— А чтение? Должен же культурный человек следить за прессой, за литературой...

— Слежу. Тут же. Вон «Войну и мир» акурат на той неделе дочитал. И всего за каких-нибудь восемь заседаний!

— Всё это хорошо. Но есть же у человека и высшие потребности! Например искусство.

— Правильно. Смотрю после торжественной части кинофильмы там разные, пьесы, концерты...

— А друзья у вас есть?

— А как же. И отличные есть друзья. Преданные мне. Проверенные.

— Где же вы их проверили?

— Где, где... на заседаниях... Неужели неясно?.. Уж если тебя друг не подведёт, когда тебя, допустим, прорабатывают, если он и тут за тебя заступится, то можешь на него опираться, как на каменную гору.

— Хорошо. Допустим. А подружился-то вы с ним где?!

— На заседаниях и подружился. Всю душу иному другу откроешь, пока прения идут. А он тебе свою душу объясняет во время выработки резолюции. Потом убедись на заседаниях на двадцати, что характеры у нас сходные, что голосует он за то же, за что и ты голосуешь, — значит, правильный у тебя друг. Нет, дружба — великая вещь...

— А любовь? Вот вы сами женатый человек?

— А как же!

— Где вы познакомились со своей будущей супругой?

— На заседании. Там и влюбился.

— Ну хорошо!.. А встречались вы с ней где?

— На заседаниях. Потом, конечно, домой провожал. Но главное объяснение произошло на заседании: записочками обменивались, как сейчас помню... Потом взглядами говорили друг другу про эти... про чувства... Ну, потом я речь произнёс.

— Про что — речь?!

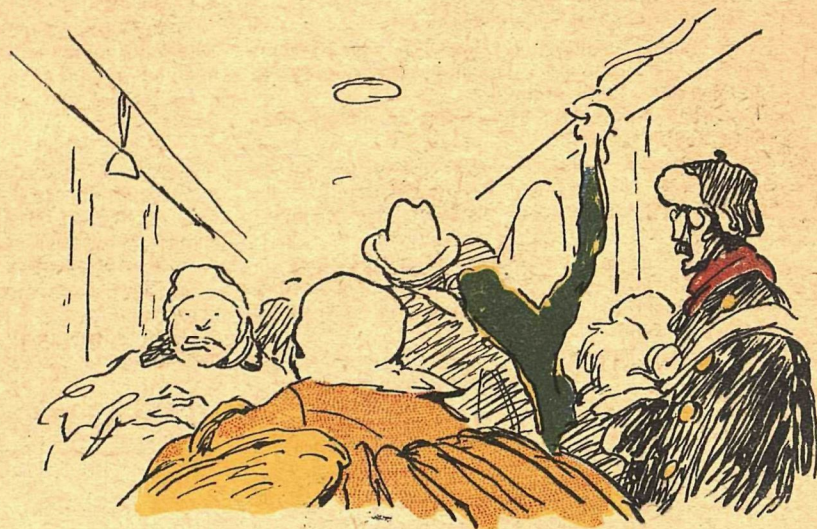
— Понимаете, вопрос обсуждался как раз подходящий: об оформлении заговора согласно спущенной директиве. Ну, я так горячо говорил, что она поняла, что это всё относится главным образом к ней. И тоже мне ответила проникновенной, знаете, речью в том смысле, что согласна.

Тут мой собеседник увидел вагон трамвая и, сунув мне для рукопожатия ладонь, кинулся к трамваю:

— До среды, значит... На очередном совещании увидимся...

В. АРДОВ

Я не грешу хвастливостью
И, позы не любя,
Поэта «божьей милостью»
На корчу из себя.
У всех своё оружие;
Профессия своя.
Пускай других не хуже я,
Но и не лучше я.

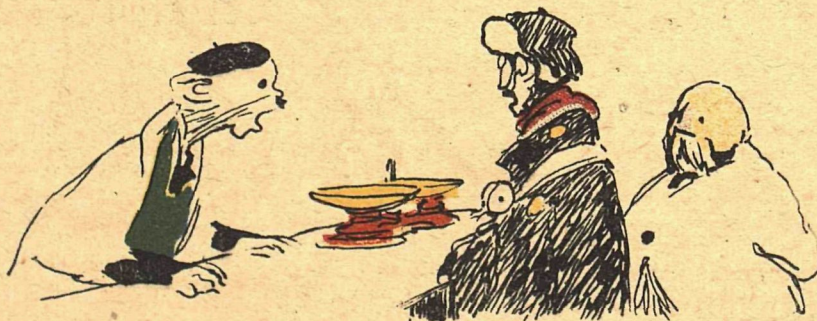
Трамвай. Полно. Толкаются.
Кондуктор хмур и груб,
Все без билетов маются,
И кто-то тянет рубль.

«Я выйду!» — «Нет, не выйдите.
Сидите, гражданин!»
«Неужто вы не видите:
Вас много — я один!»

На завтра, так случается,
Кондуктор выходной,
И вот он нам встречается
В кафе или в пивной.

Он час сидит, не менее,
И слышит: «Гражданин,
Имейте же терпение:
Вас много — я один!»

Закрывается ресторан,
Захлопнут преискурант,
Желает разгуляться и
Кутить официант.

Купит невесте пряники
Заходит в магазин,
Но там он слышит в панике:
«Вас много — я один!»

9, один!

Но часто, к сожалению,
Я слышу: «Гражданин,
Имейте же терпение,
Вас много — я один!»
Нас много? Что ж, не спорю я,
Но есть на этот раз
Наглядная история,
Коротенький рассказ.

Затем мы в учреждении
Встречаем продавца,
Терпенье и смирение
Им излучаются.

Но холоден к смирению
Ответственный блондин:
«Я занят, к сожалению,—
Вас много — я один!»

Блондин принёс униженно
В ремонт (сюжет не нов)
Комплект своих просиженных
Ответственных штанов.

Он сердится, он бесится
И слышит: «Гражданин,
Через четыре месяца...
Вас много — я один!»

Хочу повествование
На этом задержать,
Хоть мог бы в этом плане я
Всё время продолжать,
Ведь часто, к сожалению,
Я слышу: «Гражданин,
Имейте же терпение:
Вас много — я один!»
Не от людей заслуженных,
Что вправду на счету,
И не от перегруженных,
Что на большом посту.

Не от почёт имеющих
(Чтоб славу поддержать),
А лишь от неумеющих
Друг друга уважать.
А я мечтаю, граждане,
Чтоб крикнули однажды мне:
«Я жду вас, гражданин!» —
И чтобы наши граждане
Кричали каждый каждому:
«Нас много — вы один!»

М. СЛОБОДСКОЙ

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Бесцветная личность: ничего индивидуального, кроме ого-рода!

Автора настойчиво вызывали. Публике хотелось посмотреть на человека, написавшего такую плохую пьесу.

Слава его имени не выходила за пределы меток на носовых платках и инициалов на калошах.

Когда она заговаривала о чёрнобурой лисе, муж смотрел на неё волком.

Двухэтажный домишко считал себя недостроенным небоскрёбом.

Для банщика не существует знаков различия.

Собака так привыкла к поклонникам своей хозяйки, что на мужа её лаяла, как на постороннего.

Слов ему явно не хватало, — он поминутно просил слова у председателя.

В зале стоял лёгкий чад: писатель демонстрировал свою кухню творчества.

Неграмотные мухи грязнили плакат «Соблюдайте чистоту!»

Когда ему говорили: «Вы шляпа!» — он, не смущаясь, отвечал: «Зато — модная!»

Такт необходим не только в музыке.

Человек с бойким пером: очень живо пишет некрологи.

Писать с него портрет не хотелось. Хотелось написать с него натюр-морт.

Верх рассеянности — на стук сердца ответить: «Войдите!»

М. ЯКОВЛЕВ

ОДНАЖДЫ...

ВОПРОС И ОТВЕТ

Однажды Марк Твен, будучи редактором газеты, получил плохие стихи, озаглавленные «Почему я живу?»
Возвращая рукопись, Твен кратко ответил на вопрос автора:
— Потому, что вы прислали стихи по почте, а не явились в редакцию лично.

ВСЕ ПО-СТАРОМУ

Однажды Мильтон, автор «Потерянного и возвращённого рая», находясь в гостях у друзей, спросил у своей жены, не сквозит ли там, где она сидит.
Тронутая таким вниманием супруга, обычно с ней нелюбезного, жена ответила:
— Спасибо, дорогой, здесь не сквозит.
— Тогда давай поменяемся. Здесь ужасно дует из окна.

КТО ВЫШЕ КОРОЛЯ

Однажды во время урока закона божьего священник объяснял юному принцу Уэльскому, будущему Эдуарду VII:
— Есть, ваше величество, в мире нечто такое, что стоит выше даже короля...
— Знаю, знаю, — воскликнул принц, перебивая учителя, — это туз!

СУЩАЯ ПРАВДА

Однажды у одного священника, подозреваемого в ереси, епископ спросил:
— Правда ли, что ты можешь вызывать духов?
— Конечно, могу! — ответил священник. — Только они не приходят, ваше преосвященство.

— Капуста-то ещё ничего, а картофель уже гнилой.
— Подожди, всякому овощу своё время.

Испорченная гастроль

В ПРОСТОРАХ земли российской затерялся ничем непримечательный город Ахматов. Я видел этот город один раз в жизни и то всего лишь на географической карте. Мой приятель, писатель-юморист, ткнув пальцем в еле заметный чёрный кружок на сгибе карты, сказал:

— Вот отсюда я десять лет назад отправился на поиски славы...

Об этом городке зашла речь потому, что оттуда пришла телеграмма, приглашавшая моего приятеля приехать и провести авторский вечер. В дни, предшествовавшие отъезду, писатель извёл своих друзей телефонными звонками. В час ночи вас будил телефон, и вы, шлёпая босыми ногами по холодному полу, натываясь на вещи, пробирались к телефону, и все эти муки вы переносили, оказывается, только для того, чтобы услышать: «Ну, я решил окончательно— вступительное слово сделаю на десять минут, ни минуты больше. Потом — рассказы, а в конце — ответы на записки. Правильно?» «Очень хорошо», — отвечали вы сонным голосом, стоя на одной ноге, как аист, и мысленно желая своему собеседнику всё то, что вы имеете право желать в подобной ситуации...

Но, слава богу, наступил день, и писатель отбыл в Ахматов.

В предрассветный час на дощатом перроне ахматовской станции собрались в ожидании столичного гостя: заведующий клубом, представитель газеты «Ахматовский передовик», преподаватель литературы из местной школы и двое юношей, представлявших литературный кружок «Творческое пламя».

Народный комиссариат путей сообщения сделал всё для того, чтобы писатель невредимым прибыл к месту назначения: в положенное время поезд подкатил к перрону. И здесь же, на перроне, произошло первое недоразумение. Дело в том, что в городке нашего юмориста помнили вихрастым пареньком. И на афише, висевшей в центре города, красовался портрет автора, вырезанный из книжки, изданной в 1931 го-

ду. На этой фотографии он тоже выглядел безусым юнцом. А за истекшие годы наш юморист, увы, сильно изменился, стал басыть, а главное, неизвестно из каких побуждений отрастил густую чёрную бороду ассирийского образца. Эта борода и ввела в заблуждение земляков автора — они не узнавали его и метались вдоль поезда, отталкивая в сторону того, кого искали. Знакомство состоялось, только когда поезд ушёл. Последним к автору подбежал учитель. Увидев своего бывшего питомца, он буквально остолбенел и вдруг воскликнул:

— Этого не может быть!..

По дороге в гостиницу учитель то и дело шептал:

— Это немисливо! Это роковая ошибка!..

Писатель остался в гостинице. Он с ужасом осматривал стены отведённого ему номера, на которых рисунок обоев был причудливо изменён следами трагической гибели сотен клопов. А земляков писателя в это время волновало совсем другое. Они стояли у подъезда гостиницы и вполголоса вели такой разговор:

— Я отрекаюсь от этого человека, — мрачно заявил учитель, — и под пыткой я не скажу, что это он.

— Пытать вас никто не будет, — сказал завклубом, — но я, как хозяйственник, имею право требовать, чтобы всё это выяснилось немедленно. У меня неслыханный сбор, и всякая отмена — это полный подрыв. И, кстати сказать, ваша же идея приглашения, а теперь вы первый отрекаетесь...

— За идею я готов идти на костёр, — заявил, видимо, склонный к гиперболом учитель, — но здесь речь идёт не об идее, а о конкретной личности!..

— Моё дело — сторона, — недобрый голосом сказала пресса, — но вы знаете, братцы, в случае чего все мы досыта хлебнём горькой славы. Такие случаи не раз бывали...

— Утро вечера мудренее, — сказал один из литкружковцев, и все собеседники поспешили спрятаться за эту жалкую фразу, специально

выдуманную человечеством для оправдания бездействия в вечернее время.

На другой день юморист пришёл в ахматовскую редакцию, где должна была состояться его встреча с активом «Творческого пламени». В комнате уже сидели все юные, молодые и пожилые дарования Ахматова и прилегающих сельских местностей.

— Сердечный привет землякам и коллегам по перу, — приветливо улыбаясь всем сразу, сказал писатель, — трудно найти слова для выражения чувств, которые испытываешь, возвращаясь в родные пенаты... Очень трудно...

— Да... Мы понимаем, — с какой-то странной интонацией заметил руководитель «Творческого пламени».

Далее последовало томительное молчание, во время которого завклубом, ещё раз ощутив ужас «полного подрыва», принял решение действовать и тоном неопытного следователя он задал писателю вопрос:

— А вы помните, что раньше было в доме, где мы сейчас находимся?

— Увы, не помню, — ответил писатель, — время, время, новые впечатления...

Завклубом почувствовал себя настолько плохо, что второй вопрос, булькнув, остановился у него в горле...

— Где ж им помнить! — всё с той же странной интонацией заметил вождь «Творческого пламени».

И снова наступило молчание, во время которого завклубом представил себе картину, как он возвращает деньги разъярённым ахматовцам.

Гром грянул с неба в точном смысле этого понятия — заговорил радиорепродуктор. Он прокашлялся и сказал:

«Говорит Москва! Слушайте юмористический рассказ «Похороны старушки» в исполнении автора. У микрофона автор...»

Да! Репродуктор сообщил, что там, в Москве, в радиостудии, находится не кто другой, как тот самый автор, который в этот момент сидел перед лицом актива «Творческого пламени». Лидер «Пламени» выключил радио и сказал:

— Ин-те-рес-но!..

Это прозвучало примерно как «Держи вора!» А наш герой, всё ещё ничего не понимая, небрежным голосом попросил включить радио.

— Мне интересно, — сказал он, — как я звучу на расстоянии.

— Это, действительно, интересно, — мрачно подтвердил шеф «Творческого пламени», — но не будет ли лучше, если вы предъявите нам свои документы?

Я не буду описывать последовавшую затем неприятную сцену, я не хотел бы сам попасть в такое положение и не хочу злорадствовать над своим товарищем. В общем прошло около часа, прежде чем всё выяснилось и автор смог доказать, что он есть он, а из Москвы звучал тоже он, только записанный предварительно на плёнку...

Вернувшись в Москву, он не сразу рассказал нам о своём приключении в Ахматове. Сначала он написал об этом рассказ. Собственно, не совсем об этом. Рассказ начинался такой фразой: «Техника радио — великое дело, но всё же не очень-то приятно сознавать, что в момент, когда из репродуктора льётся чарующий голос любимой певицы, она, эта певица, ругается у себя на кухне с домработницей...» И только значительно позже автор рассказал своим близким друзьям, как у него возникла мысль об этой неприятной черте развития радиотехники. И тогда я решил написать этот рассказ. В порядке предостережения другим.

Дорогие друзья и коллеги! Решив отращивать бороду, подумайте о возможных неприятностях, которые могут таиться в этом волосном сооружении.

Вас. АРДАМАТСКИЙ.

Я к вам пишу...

Рис. В. Горлева

В ПОЛНЕ возможно, что настоящим своим выступлением даём пишу пушкинистам. Одни из них будут оспаривать совершенно бесспорные наши выводы. Другие с нескрываемой завистью попытаются умалить огромное значение наших сугубо научных исследований.

Допускаем всё это и во всеулышание предлагаем заново, с иных позиций, прочесть начало знаменитого письма Татьяны Лариной к Евгению Онегину:

«Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу ещё сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать».

За что, собственно, наказывать презрением молодую честную девушку? Только за то, что она первая написала письмо Онегину?!

Начальные строки письма Татьяны стали программой действия многочисленных канцеляристов.

У военнотружашего Шестакова в Верховажском районе, Вологодской области, остались старики. В заботах о своих родителях тов. Шестаков обратился за помощью к районному прокурору. Юрист 3-го класса Евсеев не заставил себя долго ждать и ответил, что дома всё благополучно, что жена и трудоспособный сын ни в чём не испытывают нужду. Какая жена? Откуда сын? Уходя в армию, Шестаков не успел жениться и обзавестись семьёй. Но какое дело до этого Евсееву?

«Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу ещё сказать?»

Демобилизованный Пётр Рогожников просил прокурора Советского района Москвы воздействовать на управляющего домом № 5/6 по Курбатовскому переулку, чтобы тот остеклил его комнату. Прокурор Тупичкин ответил, что ремонт квартиры производится. Крыша, мол, уже отремонтирована. Вторично крышу ремонтировать не будут, так как в 1946 году будут надстраивать третий этаж.

В действительности же квартиру Рогожникова никто и не ремонтировал. О крыше Рогожников даже и не писал. Рогожников живёт в четырёхэтажном доме. Каким же образом собираются там надстраивать третий этаж?

«Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу ещё сказать?»

В самом деле, что можно ещё сказать, когда нечего сказать. Впрочем, З. Коновалова из треста «Краснодонуголь» нашла, что сказать.

Офицер А. Носкин полюбопытствовал, какой это Кочура является заместителем управляющего трестом «Краснодонуголь». Не с ним ли он работал до войны? З. Коновалова ответила:

«Сообщаю Вам, что письмо адресовано Вами на имя зам. управляющего трестом тов. Кочура было получено и от его имени я как секретарь отвечаю Вам, такого человека, о котором Вы возбуждаете поиски, адресат его не известен. И пока всё остаётся покрыто мраком неизвестностью».

Исходя из этих соображений, что ничто не должно быть «покрыто мраком неизвестностью», ленинградское справочное бюро на запрос инженера Рябковца, из-под Архангельска, ответило:

«Вы хотите знать, где живёт ваш сын? Деньги на бочку! Сначала переведите по почте рубль, а затем повторите запрос».

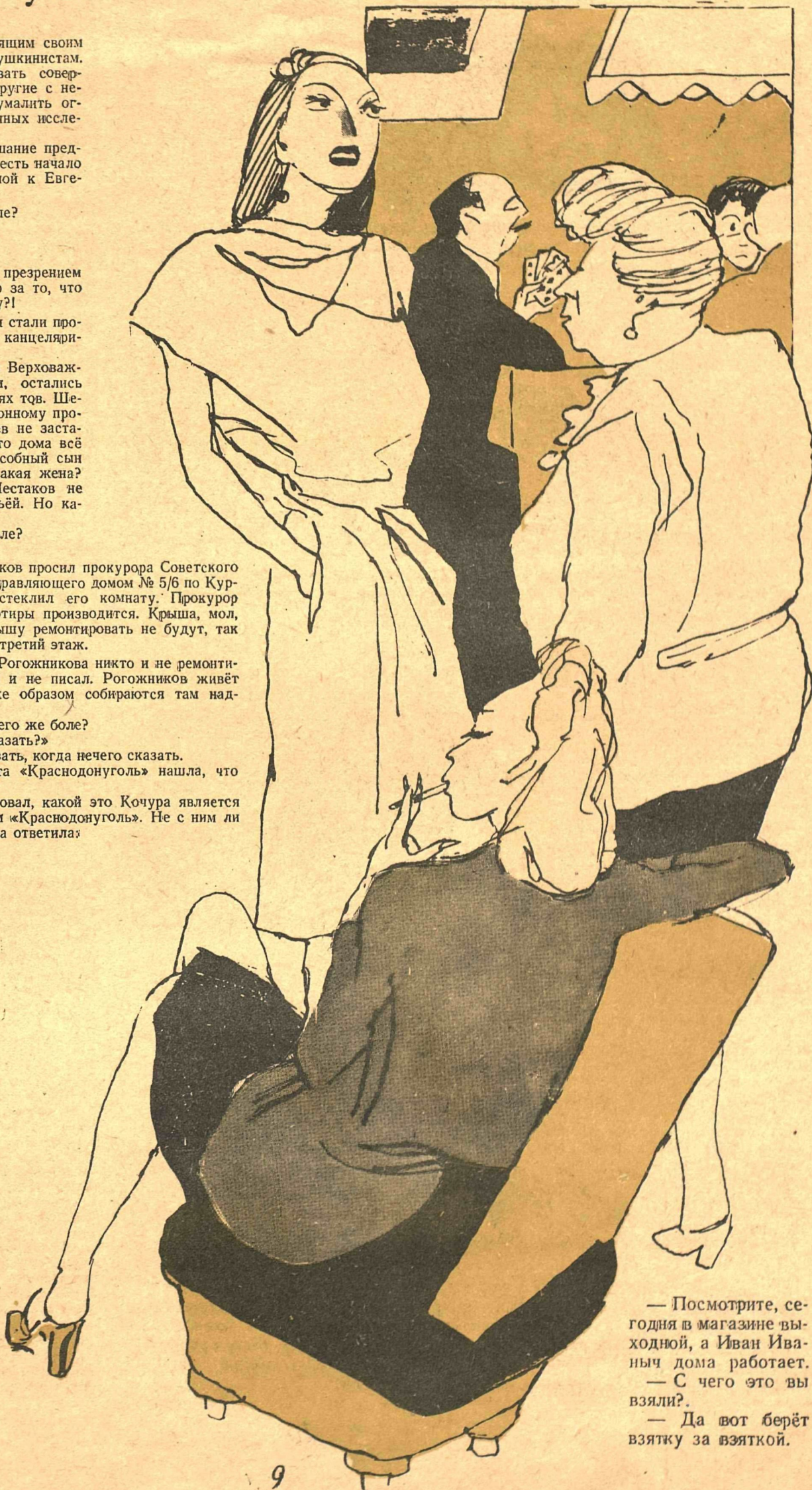
Какая поразительная чёткость! Даже жаловаться нет оснований:

«Я к вам пишу — чего же боле?»
Теперь даже самые завзятые пушкинисты убедятся, что великий поэт заложил в строки татьянинского письма более глубокий смысл. Отныне всем будет понятно, что именно имел в виду поэт, говоря:

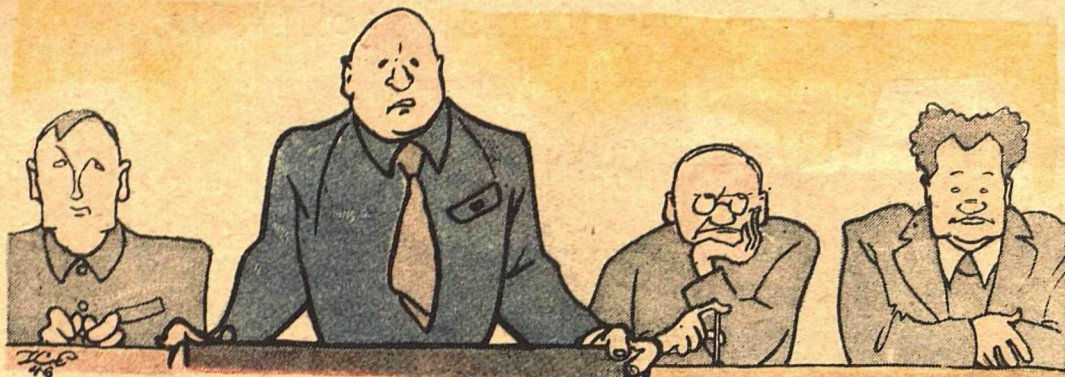
«Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать».

И если это новое, принципиально важное толкование пушкинской критики на порядки в некоторых наших канцеляриях дойдёт до сознания массы непушкинистов, мы будем вполне удовлетворены.

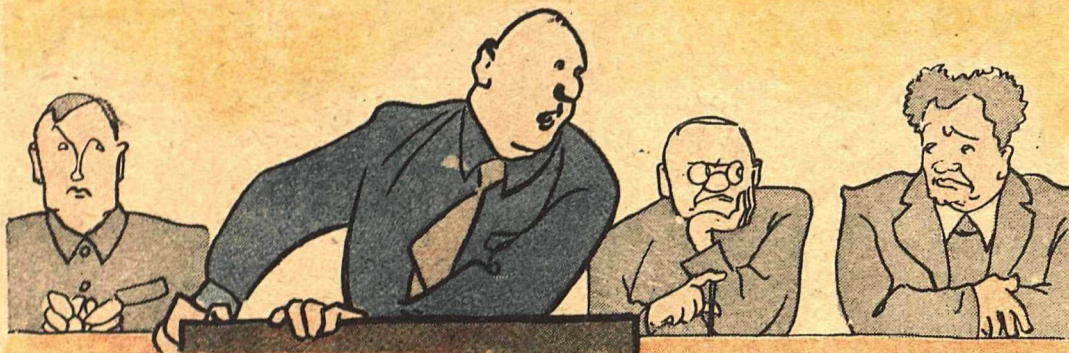
Е. ВЕСЕНИН

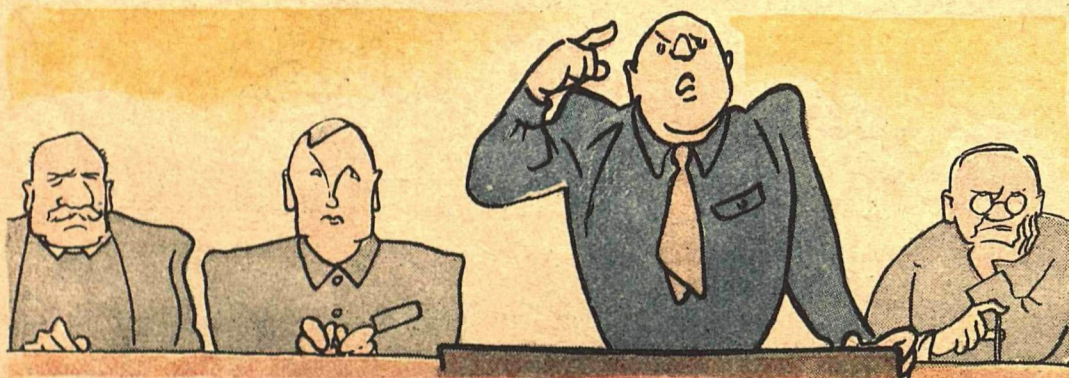
— Посмотрите, сегодня в магазине выходной, а Иван Иванович дома работает.
— С чего это вы взяли?
— Да вот берёт взятку за взяткой.

— Лично я, товарищи, по затронутому вопросу имею своё, самостоятельное мнение. Нужны ли нам дополнительные ассигнования на это строительство? Ответ может быть только один: безусловно нужны...

... (заметив недовольство начальника слева) ассигнования безусловно нужны! Так сказал бы легкомысленный человек, верхогляд, работник, не умеющий беречь государственные средства...

... но я на этот счёт придерживаюсь противоположной точки зрения...

... (заметив недовольство более высокого начальника справа) я придерживаюсь другой точки зрения, товарищи, я не назову верхоглядом человека, который скажет, что ассигнования нужны. Только люди, лишённые размаха и перспективы, могут так говорить. Надо быть принципиальным, товарищи! И лично я, высказывая лично своё мнение, утверждаю — ассигнования нужны. Я кончил, товарищи!

Знают ли в Ростове на Дону, в областном здравотделе, как высоко поставлена забота о больных в зерноградской амбулатории Ростовской области? Едва ли можно где-либо сыскать подобный пример!

Заведующая амбулаторией врач Никольская у самого входа в лечебницу вывесила объявление:

«1. Лица, приходящие на приём, имейте свою бумагу для регистрации.

2. Лица, приходящие на перевязку, имейте свой бинт и свою вату».

Неужели на это объявление Никольская израсходовала всю бумагу? Не хватает, чтоб больной приводил с собой врача. Тогда инициатива и самодеятельность больных в зерноградской амбулатории при содействии областного здравотдела будут подняты на должную высоту.

«КАК ПОСТУПИТЬ, ЧЕГО НЕ ЗНАЕШЬ»...

Вот вы, например, ни за что не ответите на такой вопрос: «Как поступить, чего не знаешь?» А для тов. Галкина это сущий пустяк. Скромный пост командира 3-го отряда вооружённой охраны Наркомата промышленности строительных материалов отнюдь не мешает тов. Галкину увлекаться метафизикой. В свободное от работы время тов. Галкин целиком поглощён высокими проблемами. Они и нашли своё отражение в замечательном плане командирской учёбы, составленном самим тов. Галкиным:

«Как поступить, чего не знаешь? В чём полный порядок? Как смотреть на то, что про тебя люди думают? Как произвести настоящую любовь подчинённым? Как справедливым быть? Зачем тебе власть дана?»

Мы знаем, что найдутся злопыхатели, которые заявят, что легко и просто ответят на любой из этих вопросов.

Как справедливым быть, спросят они и ответят: чтобы быть справедливым, достаточно воздать должное талантам тов. Галкина. Зачем ему власть дана? Чтобы составлять подобные планы командирской учёбы. Как поступить, чего не знаешь? Опять-таки — командовать и составлять планы!

Несколько сложнее ответить на вопрос: «Как смотреть на то, что про тебя люди думают?» Но стоит ли вообще смотреть? Лучше всего не обращать никакого внимания, и тогда можно блестяще ответить даже на такой абстрактный, казалось бы, вопрос: «В чём полный порядок?»

В МОСКВУ С ОТЧЕТОМ

В квартире у директора Нелидовского завода стандартных домов товарища Агафонова необычайное оживление: главу семьи снаряжают в дорогу. Он едет в Москву с годовым отчётом.

— Так не забудь же купить три метра голубого крепсатена, — напутствует жена, — да для мамыши десять мотков мулине разных оттенков достань, ещё иголки для патефона обязательно раздобудь... Ах, господи! Чуть не забыла: Лёша ведь скоро именинник — без вечной ручки не возвращайся!..

— Ладно, ладно, — солидно басит уезжающий, укладывая вещи в чемодан, — всё достану, времени хватит. С отчётом долго канителиться не придётся.

И действительно, товарищу Агафонову и главному инженеру завода товарищу Волкову с отчётом не пришлось возиться. Приехали они в Москву, явились в Главстройлес, предстали пред ясные очи начальства и, чтобы никого не затруднять сухими цифрами годового отчёта, грубыми выкладками выполнения, перевыполнения и невыполнения, просто молчали. На все вопросы, как поётся в романсе: «Ни слова, о друг мой, ни вздоха».

Ну, увидал тут начальник главка товарищ Алексеенко, что от Агафонова и Волкова ничего не добьёшься, что к отчёту они не подготовились, и приказал им снова вернуться на завод, снова подготовиться к отчёту и через десять дней снова приехать в Москву.

И вот снова возвратились они на завод и снова готовятся в путь — принимают всякие поручения от родных и знакомых.

Дорогой
Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Я имел неосторожность отправить со ст. Грота, Одесской дороги, односпальную кровать с сеткой. Спустя полтора месяца мой груз, преодолев расстояние в 300 километров, прибыл к месту назначения — на ст. Кантимир, Кишинёвской дороги.

И здесь, на ст. Кантимир, мне вместо сетки моей односпальной кровати выдали сетку чьей-то двухспальной кровати.

Насколько мне известно из физики, тела при нагревании расширяются. Неужели на Одесской и Кишинёвской дорогах к перевозке грузов относятся столь горячо, что, подчиняясь законам физики, они расширяются?

Но интересно, как воспримет владелец двухспальной сетки сжатие своего груза, когда ему вручат мою односпальную сетку? Куда ему прикажешь жаловаться на подобные чуды физики?

И. ДРАЧУК,
старший лейтенант

Уважаемый Крокодил!

Е. Н. Барсукова, секретарь Серпуховского районного комитета комсомола, уделяет исключительное внимание нашей библиотеке. Благодаря её заботам библиотечный фонд находится в прекрасном состоянии. Что же делает товарищ Барсукова для этого? Очень просто. Она берёт в библиотеке книги и хранит их у себя по году и даже больше. В ответ на требования поскорее возвратить книги Барсукова раздражённо говорит: «Я не такой свободный человек, чтобы быстро читать».

Правильно! Откуда быть свободному времени? Ведь она, бедная, так трудится на культурном фронте!

ВОРОНИНА, БОРИСЕНКО,
библиотекари районной библиотеки

г. Серпухов,
Московской области.

НА ВСЕ СВОЕ ВРЕМЯ

Рис. А. Баженова

— Дяденька, дай прикурить.
— Пожалуйста.
— Не могу достать.
— Вот когда подрастёшь, тогда и прикуришь.

НЕ ВСЕ ТО ЗОЛОТО, ЧТО БЛЕСТИТ

Рис. С. Костина

— И это заграничные чулки! Их нельзя же носить!

— И не надо носить. Они сами ползут.

Дорогой Крокодил!

Недавно исполнилась годовщина с того знаменательного дня, как я имела неосторожность заказать туфли в обувной мастерской, возглавляемой тов. Хлопотовым.

С тех пор каждую субботу я аккуратно справляюсь о моём заказе и, право, не знаю, сколько времени мне ещё придётся справляться.

А вот моя приятельница заказала обувь и себе и мужу значительно позже, но успела давно получить свой заказ. Оказывается, она шепнула мастеру какое-то волшебное слово.

Помоги мне, Крокодил, раскрыть секрет этого магического слова.

М. ЩЕРБАКОВА

г. Нижний Тагил

Дорогой Крокодил!

Есть в Москве такая организация с поэтическим и звучным названием — «Мособлмузрадиоизгруппсоюз». Так вот, приобрели мы в этой организации двадцать пар ножниц. Покупка, как полагается, была оформлена счётом за подписью коммерческого директора Безмянского и главного бухгалтера Стефановского. В этом счёте значится: «Ножницы — 420 рублей, организационные расходы 6% — 25 рублей 20 ко-

пеек, транспорт 30% — 126 рублей. Итого — 571 рубль 20 копеек».

Ну, 20 копеек транспортных расходов на троллейбус — это мы ещё понимаем. Но причём тут ещё 571 рубль?!

Вот уж воистину: за морем телушка — полушка, да рубль — перевоз!

В. КАМЕНСКИЙ,
коммерческий директор
Мособлшвейремсоюза

Москва.

Дорогой Крокодил!

Тщетны были многочисленные попытки начальника санатория «Слободка», под Тулой, тов. Эрдрайхера прославить себя. Тогда он распорядился вырубить несколько сот деревьев в старинном санаторном парке.

И сразу всё изменилось: Эрдрайхер стал знаменит. Имя его отныне не будет пребывать в тени. Что касается отдыхающих в санатории, то они, лишённые в летнюю пору природной тени, попытаются, конечно, навести тень на его плодотворную деятельность. Но это опять-таки будет способствовать только приумножению славы Эрдрайхера!

Г. ДЕНИСОВ

г. Тула.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва.

Изд. № 212.

Подп. к печати 19/III 1946 г. Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 1½.

Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А—02018.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 606.

Тираж 150.000 экз.

ИМ БЕЗРАБОТИЦА НЕ УГРОЖАЕТ

Рис. Л. Бродаты

Английский критик Притчет сказал, что в Англии сейчас нет места для сатиры.

— Мистер Притчет сказал, что нам, сатирикам, здесь нечего делать. Что ж, отправимся в Индию или Египет — там нам найдётся работа.